

The author undertakes to trace the development of the social term *dominus* in the 1st c. A.D. Using texts by Martialis, Statius, Juvenalis, Tacitus, Plinius and Suetonius, he comes to the conclusion that during the 1st c. *dominus* preserved its main social meaning «owner, master» and did not denote the head of state. The transformation of *dominus* into a political term denoting the title of the emperor was a slow process reflecting a change in public consciousness connected with the disintegration of the Roman *civitas* and became possible only in the early 3rd c. under the Severi.

© 1998 г.

В.М. Смирин

«NUDUM IUS QUIRITIUM», «DOMINIUM» И «PROPRIETAS» В ПОНЯТИЙНОЙ СИСТЕМЕ РИМСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В основе предлагаемого краткого сообщения – текст доклада, прочитанного 1 сентября 1988 г. на 18-й сессии международного научного общества «Эйрене» в Будапеште. Не опубликованный в свое время, он переработан в той мере, какая казалась необходимой. Автору хотелось сохранить жанр, смысл и тон прежнего сжатого изложения.

Среди историков римского права и поныне бытует, а до недавних пор и преобладало мнение, согласно которому в Риме к началу принципата складывается понятие собственности, в основных чертах идентичное современному. Развернутую и конструктивную критику этого взгляда дал Р. Фенстра¹. В отечественной литературе отметим близкие к интересующей и нас теме работы В.А. Савельева², который исходит (с чем согласны и мы) из смыслового несходства рассматриваемых понятий, но разница в подходах к источнику и в методике приводит авторов к разным выводам.

Обратимся к источникам. В них наиболее важным для нашей темы представляется все, что связано с так называемыми «двойным доминием» (*dominium duplex*) и особенно с «голым квинитским правом» (*nudum ius Quiritium*). Оба эти выражения были исключены Юстинианом из Свода гражданского права как уже-де ненужные старинные установления, утратившие связь с действительностью, как «пустое излишнее слово» (*vacuum et superfluum verbum*) и т.д. (СІ. 7. 25). Вот в этих-то «устаревших» категориях мы и решились искать ключ к пониманию специфики (а значит и сущности) римского доминия, каким он предстает перед нами в «квинитском праве» времен Поздней республики и Раннего принципата. Соответствующие тексты источников не так уж малочисленны и достаточно хорошо известны³. По Гаю (II. 40; I. 54), некогда у

¹ *Feenstra R. Duplex dominium // Symbolae iuridicae Martino David dedicatae. I. Leiden, 1968. P. 55–71.* Р. Фенстра показывает, что тексты Гая (II в. н.э.), Теофила (начало VI в.) и Юстинианова кодекса отражают и поддерживают друг друга, тем самым образуя цельный в своем единстве блок, не допускающий никаких произвольных конъектур и заставляющий отвергнуть всю практику «передельвателей» твердой традиции (подробней см. *ibid.*, p. 63–65).

² *Савельев В.А. Dominium и proprietas в юридических источниках классического периода // Савельев В.А. Римское частное право (Проблемы истории и теории). М., 1995. С. 140–174; см. также его же одноименную статью в журнале «Древнее право. Ius antiquum». I. М., 1996. С. 112–123.*

³ Особенно важны для нашей темы все тексты Гая, так называемый Досифеев фрагмент и некоторые

«римского народа» существовал, как у чужеземцев, один (или единый) доминий, который впоследствии претерпел разделение, в результате чего одна и та же вещь может принадлежать двоим: одному «по праву квиритов» (т.е. римских граждан), а другому – как находящаяся «в [его] имуществе» (букв. «в добре»), т.е. по преторскому, или, как его стали называть, «бонитарному» праву. Совмещение того и другого права в одних руках дает единому обладателю *plenum ius* – «полное право». Упомянутое же разделение прав даже формально было возможно лишь для ограниченного круга вещей (*res mancipi*) и на краткий срок (для движимости – год).

Нынешние историки-юристы, исходя из почти общепринятого, но в сущности предвзятого понимания слова «*dominium*» как однозначного «собственность», порицали Гая за «нетехническое» его употребление или предлагали какие-то конъектуры к тексту, пересочиняя его за Гая⁴. Попытаемся все-таки понять смысл самого источника в том виде, в каком он до нас дошел. Прежде всего: можно ли разделенный, по Гаю, доминий счесть разделенной, пусть временно, *собственностью*?

О конкретных правах лиц, между которыми доминий разделен таким образом, мы можем судить применительно к единственному объекту – рабу (для других объектов вопрос, как увидим, беспредметен). Права эти распределяются так: именуемому раба в имуществе (*in bonis*) принадлежит *власть* (*potestas*) над ним, а вместе с нею и все связанные с рабом имущественные права, и прежде всего право «приобретать» через этого раба. Тот, кто имеет раба лишь «в имуществе», лишен только одного – специфически римского – права: при отпущении раба на волю «делать его римским гражданином». На долю же собственно «господина» (*dominus*) остается *nudum ius Quiritium* – «голое квиритское право». Его обладатель не имел раба во власти, никоим образом не мог через него приобретать и вообще никаких связанных с этим рабом имущественных прав не имел. Гай специально подчеркивает (III. 166), что права такого хозяина («хоть он и господин») на раба были меньше, чем права узуфруктуария либо «владевшего в доброй вере» (*bona fide possessor*)⁵, т.е. меньше, чем у тех, кто заведомо (как фрукуарий) или по неведению (как *bona fide possessor*) имел дело не со своим, а с чужим рабом. Права обладателя *nudum ius Quiritium* ограничивались тем, что он мог посредством *iteratio*, т.е. повторной манумиссии, предоставить римское гражданство уже отпущенному другим лицом рабу и тем самым стать патроном этого отпущенника. Однако и при этом право на имущество такого отпущенника, если он умирал бездетным, оставалось у того, кто в свое время имел его рабом именно *in bonis*. Более того, в случае, если раб, отпущенный этим последним, и без «итерации» добивался гражданства иным путем, то его патроном (опять-таки *без права наследования*) все равно делался обладатель *nudum ius Quiritium*, ибо не мог стать патроном отпущенника-квирита (т.е. римского гражданина) человек, который до этого не имел на него квиритского права (ср. ниже с. 283).

Исследователи обычно любят подчеркивать «незначительность» прав, связанных с *nudum ius Quiritium*, их «формальный» характер – все, что как будто бы позволяет не принимать их всерьез. Другие, напротив того, стремятся доказать соответствие этих прав не таким-де и редким реальным жизненным ситуациям. Нам представляется, однако, что для понимания *природы* римского доминия куда как важнее другая сторона вопроса: каким *в принципе* было положительное правовое содержание *nudum ius Quiritium*, предполагаемых им конкретных прав.

Права эти, как мы уже видели, *не были имущественными*. Упомянутое всегда применительно к рабу *nudum ius Quiritium* могло быть использовано лишь в тех случаях, когда раб, получивши вольную, уже переставал быть чьим-либо имуществом.

постклассические тексты (см. в прим. 1).

⁴ Feenstra. Op. cit. P. 63, со ссылкой на комментарий Давида и Нелсона к «Институциям» Гая.

⁵ Ср. D. 50. 16. 109 (*Модестин*): «Добросовестным покупателем считался тот, кто не знал, что речь идет о чужой вещи или считал, что продавший ее имел на то право» (см. также *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С. 252).

Применительно к другим видам имущества *nudum ius Quiritium* никогда не упоминается ни в одном конкретном контексте. Таким образом, по слову Гая, «двойной», либо если угодно, «разделенный» доминий нельзя считать разделенной *собственностью*. Нельзя понимать его и как разделение между собственностью и властью – подвластное состояние раба как лица было неразрывно связано с его пребыванием «в имуществе»⁶, так что за обладателем *nudum ius Quiritium* оставалась только *малая и специальная часть* отношений власти, касающаяся исключительно связи римского рабства с римским гражданством и связи римского раба (через фамилию и через личность господина) с римской гражданской общиной (ср. Fr. Dos. 17: «... [Этот раб], чтобы стать римским гражданином, должен был в прошлом принадлежать лицу, ныне отпускающему его на волю, по праву римских граждан (ex iure Quiritium)»).

Значит, доминий – и в его целостности (неразделенности), и в самом принципе возможного временного его разделения – предстает перед нами обозначением некоей, достаточно широкой совокупности прав, как имущественных, так и не имущественных. Понятие доминия всегда несло на себе отпечаток древних представлений о целостной власти отца семейства. Об окончательном превращении слова «доминий» в «техническое обозначение собственности» можно говорить лишь применительно к юстиниановскому и последующему времени, т.е. к времени *после* отмены не только *nudum ius Quiritium*, но и всего квиритского права вообще.

Понятие «*proprietas*» послужило основой для слов, обозначающих собственность в большинстве новых языков. Можно подобрать некоторое количество римских текстов, где понятия «*proprietas*» и «*dominium*» практически равнозначны и даже взаимозаменяемы, хотя единственный случай их прямого отождествления: «*dominium* (...) (*id est proprietas*)» (D. 41. 1. 13 – Нераций) рассматривается издателями Дигест как позднейшая глосса (см.: ed. 11. 1908. P. 692. Not. 33: glossa (Kniep)). Действительно, вопрос о соотношении этих двух слов сложнее, чем могло бы показаться.

Начать с того, что их смысл складывался и изменялся исторически⁷, причем слово «*dominium*» всегда (даже при постепенном сужении его объема) выражало общее, генерализующее понятие. Слово же «*proprietas*», вероятно, появилось именно для обозначения ограниченного, неполного права. Значение и сфера применения этого слова расширились лишь постепенно.

Оно было порождено опять-таки разделением «полного права» (*plenum ius*) на вещь, но и само это право, и его полнота, и его разделение понимались тут по-иному, чем в контекстах с «двойным доминием». На этот раз «полное право» разделяется на *proprietas*, т.е. право «собственности» без права пользования вещью, и *usus fructus*, т.е. право пользования и извлечения дохода, которое находится в не господских руках и оказывается, таким образом, правом не на свою, а на *чужую* вещь. Заметим, что словом «*proprietařius*» – «собственник» – у римлян обозначался именно собственник без права пользования, который даже не мог собственной волей прекратить чужое пользование своим имуществом (т.е., так сказать, отстранить несобственника). Совмещаясь в одних руках (поскольку и узурфрукт может вернуться к «собственнику», и право собственности может быть приобретено узурфруктуарием), *proprietas* и *usus fructus* опять-таки дают *plenum ius* – «полное право». Со временем, можно полагать, для более точного обозначения *этого* «полного права» появляется и выражение «*plena proprietas*» – «полная собственность», а для ограничительного понимания «собственности» появляется словосочетание «*proprietas nuda*». О разделении *доминия* тут речь не идет. Римский юрист (D. 50. 16. 25 – Павел) поясняет, что *usus fructus*, как и, скажем, право прохода по чужому имению, *не есть часть доминия*, поэтому, добавляет он, мы

⁶ «Так или иначе, у римских граждан доминий оказывается двойным, ибо раб мог бы считаться принадлежащим кому-то либо по праву квиритов, либо как находящийся в имуществе, либо по тому и другому праву сразу (*vel ex utroque iure*). (...) Так что мы только тогда назовем раба находящимся в хозяйской власти, когда он попадает в хозяйское имущество» (*Gai. I. 54*).

⁷ Ср. также Савельев. Римское частное право. С. 107.

«правильно называем своим» имение, находящееся в чужом *пользовании* («ведь ни об одной его части нельзя сказать, что она принадлежит другому»).

Итак, узуфрукт, будучи правом распоряжения вещью, может рассматриваться как часть «полной собственности» (D. 23. 3. 78. пр.), а как часть доминия, выходит, – не может. И узуфрукт, и *nuda proprietas* суть права имущественные; более того, *nuda proprietas* сама может быть оценена в деньгах, а вычитая эту оценку из цены имения, можно определить и цену узуфрукта (D. 23. 7. 78. 3). Как чисто имущественное право, *nuda proprietas* не была отменена в Юстиниановом своде (Inst. II. 4: «Об узуфрукте»), тогда как неимущественное *nudum ius Quiritium* было, как помним, решительно отменено.

Обратимся теперь к нередко цитируемому в интересующей нас связи отрывку, который заимствован из текста, где Ульпиан комментирует известный Силанов (или Силанианский) сенатусконсульт 10 г. н.э.: «*Domini appellatione continetur qui habet proprietatem, etsi usus fructus alienus sit*» – «наименованием господина охватывается тот, кто имеет право собственности, хотя бы узуфрукт и был у другого» (D. 29. 5. 1. 1). Обычно цитату обрывают перед словом «хотя», чтобы легче усматривать в ней отождествление или сближение доминия и *proprietas*. Но ведь римского юриста здесь занимает не теоретический вопрос о совпадении или несовпадении понятий, а практический вопрос о том, кто именно – проприетарий ли, или узуфруктуарий – должен считаться «господином» в драматической ситуации государственного расследования в случае убийства господина при невмешательстве рабов. Точно так же – практически, а не теоретически – ставится здесь римским юристом вопрос о том, кто в той же ситуации охватывается наименованием раба (*ibid.* § 4).

Словоупотребление римских юристов иногда будто бы прихотливое, всегда продуманно, сжато и точно. Примечательно, например, выражение *dominus proprietatis*, в котором юристы нынешние порой готовы видеть простой плеоназм. Но ведь с ним перекликается и отвлеченное понятие «*dominium proprietatis*» (D. 7. 4. 17 – Юлиан), такое же, как *dominium usus fructus* (D. 7.6. 3 – Юлиан; ср. здесь же «*possessio usus fructus*»). Все это, как и различные параллели (римские и неримские) заставляет заключить, что в выражениях «*dominus proprietatis*» и т.п. слово «*proprietas*» обозначает отнюдь не объект доминия, а само право собственности как нетелесную вещь⁸, слово же «*dominus*» указывает на обладание именно этим правом, хотя здесь и «голым», т.е. беспредметным.

Рядом с рассмотренными тут «терминами» собственности употреблялись и другие: *mancipium*, *meum* (*suum*) и т.д. Логика словоупотребления римских юристов не требует обязательных штампованных оборотов: одна и та же ситуация могла быть описана в разных словах. Показательно также, что обращаясь специально к теме «о значении слов» – «*de verborum significatione*» (D. 50. 16), римские юристы, сталкиваясь с различными значениями одного и того же «термина», их перечисляют, отнюдь не стремясь отобразить единственно верное и правильное. Видимо, мы имеем дело с понятийной системой, основанной не на четкой терминологии и не на однозначных дефинициях (вспомним знаменитое Яволеново: «*Всякая дефиниция опасна, ибо мало такого, что не могло бы быть опровергнуто*» – D. 50. 17. 202), а на достаточно свободном пользовании понятиями, в разной мере перекрывающими друг друга и взаимозаменяемыми или не взаимозаменяемыми *в зависимости от контекста*. При кажущемся «несовершенстве» такая система оказывается богаче строго терминологической, поскольку при разработке какого-нибудь вопроса мыслью, развивающейся в такой системе, на первом плане оказывается не «термин», не умозрительная дефиниция, а наблюдаемое в жизни отношение.

Может быть, именно принципиальное отсутствие четких универсальных понятий

⁸ См. *Ankum H., Pool E. Rem in bonis meis esse and rem in bonis meam esse. Traces of the Development of Roman Double Ownership // New Perspectives in the Roman Law of Property. Essays for Barry Nicholas / Ed. P. Birks. Oxf., 1989. P. 22–23.*

заставило римских юристов так углубляться в разработку конкретных отношений и ситуаций, уподобляя и противопоставляя их друг другу⁹. Видимо, поэтому же положения, выработанные римским правом, могли находить себе применение на протяжении многих веков, в условиях различных общественно-экономических структур, могли быть приспособляемы к различным, как мы при случае выражаемся, «формам собственности». Что же касается развития понятийного аппарата как такового, то римская мысль сделала достаточно много, создав само понятие «*proprietas*» и тем самым, по существу, открыв явление собственности, но осознание всего значения этого открытия осталось, как и его мифологизация, на долю последующих эпох.

ON UNDERSTANDING ROMAN CONCEPTS OF PROPRIETY

(*nudum ius Quiritium, dominium and proprietas*)

V.M. Smirin

The article is devoted to the Roman concepts of propriety denoted by two terms – *dominium* and *proprietas* – which are usually regarded as equivalent and corresponding to the current idea of property.

Meanwhile in the context of Roman sources the meanings of these two words seem more complex. According to Gaius the *dominium*, at first indivisible, was then divided as a result of which one thing could belong to two individuals: to one *ex iure Quiritium*, and to the other as being *in bonis*, i.e. in accordance with *ius praetorium*. The combination of both in one hands gave the individual «full right» (*plenum ius*). A person who owned slave only *in bonis* was deprived of only one right – the right to make slave a Roman citizen when the latter was given freedom. This specifically Roman law is vested in the master (*dominus*). *Dominium* was understood both in its entirety and the possibility of division as designation of the sum total of property and non-property rights. The concept *dominium* bore the imprint of the idea of the integral power of *pater familias* and its connection with Roman *civitas*.

The concept *proprietas* adequately rendered by the word 'property' (like German – *Eigentum*) came into being as a result of another division of «full right» to a thing into property in somebody's hands and into use with profit (*usus fructus*) in somebody else's hands. The concepts *dominium* and *proprietas* sufficiently distinctive in the Republic, later came closer until by a decree of Justinian (C. 7. 25) all differences among all kinds of property were eliminated and it was stipulated that each master should be considered full and legal owner of slaves as well as of other things he possessed (*sit plenissimus et legitimus quisque dominus sive servi sive aliarum rerum ad se pertinentium*).

---

⁹ В этом отношении особенно интересны наблюдения Д.В. Дождева над таким явлением, как «неявная» (или даже потаенная) кража – *furtum nec manifestum* (Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996. С. 552). Ср., например, *Gai.* III. 203–205: «Иск же из воровства может оказаться у того, кто сам заинтересован в краже» – не имеется ли здесь в виду кража права (т.е. нематериальной вещи?).